

Ко мне в гости пришел черный жеребенок...

Культура. - 1999. - 15-21 апр. - с. 7

Выставка к 70-летию Николая Андропова

Художник очень любил лошадей. Они, казалось бы, из его детства. Они во многих деревенских картинах Николая Андропова словно некий пророческий зов, отзвук далеких отроческих видений в настоящей, но по-прежнему остающейся знаковой действительности.

Андропова вполне можно назвать исконно деревенским художником. Но творческий его парадокс заключается в том, что Николай Иванович – коренной москвич, родился в Москве, здесь учился и прожил всю жизнь. И лошади из “его детства”, будто бы являющиеся личными его воспоминаниями, вошли в его творческое откровение, когда он увидел их в Ферапонтове, Солигаличе, на Вологодчине, где подолгу жил и работал, где нашел истинное свое призвание. Именно в глубине России Андропов осознал себя национальным художником. Даже его холсты, запечатлевшие Москву, Ленинград, Флоренцию, воспринимаются по стилистике, манере письма, колориту, по образному

решению какими-то “ферапонтовскими”.

Но “ферапонтовские” у него – имя нарицательное. Виды этого древнего русского города, сельские сюжеты – не более чем видимая канва, некий реальный отсчет глубинного нравственно-философского размышления над божьим даром, который называется жизнью, неисповедимой ее сущностью, над земным предназначением и предопределением человека, его ничтожеством и величием, повседневной суетностью и вечным торжеством духа.

Будь то большое полотно “Глотогоны”, прозвучавшее набатным манифестом шестидесятников. Или столь же программные “Проводы”, действие которых происходит в годы Великой Отечественной войны. Картина глубоко трагична не только своим сюжетом, но более широким, воистину библейским смысловым охватом. Ведь картина повествует не только об определенном историческом времени, она – о вековой боли, страданиях и ужасе всего челове-

“Вороной жеребенок”. 1986 г.

чества. Эта пророческая всеобщность заложена и в других работах художника.

Сдержанный драматизм в той или иной степени заметен в самых простецких, обыденных, незамысловатых сюжетах, не претендующих, казалось бы, на глобальные обобщения. Может быть, еще и потому, что у него нет простых или усложненных работ. И нет четкой границы между полностью исполненной картиной и первоначальным эскизом. Как завершённое произведение обладает свежестью и остротой первоначального впечатления, так и эскиз (да и эскиз ли это?) характерен смысловой и стилистической законченностью. Живописный талант Андропова тем и поражает, восхищает, что он может двумя-тремя мазками, сильными и свободными мазками создать совершенно определенный впечатляющий образ, который не нуждается ни в предметной детализации, ни в колористическом уточнении.

Хотя цветовая гамма письма на первый взгляд скромна. Если в пя-

тидесятые – шестидесятые годы она была более выветвленной, яркой и разнообразной, то позже обрела устойчивую, весьма индивидуальную серовато-голубую, темно-зеленую, желто-коричневую палитру. Вот она-то и создает насыщенный, библейски-сдержанный, тревожный характер живописи.

Но вдруг теми же цветовыми средствами Николай Андропов совершает нечто противоположное. И рождаются гротесково-ироничные, насмешливые “Автопортреты”. Одно из лучших из его самовыражений – картина “На зеркало неча пенять”, показывающая, каким жизнерадостным, остроумным, озорным и доброжелательно открытым был Николай Андропов. И мы знаем его и запомним не столько народным художником, академиком, лауреатом, почитаемым профессором, сколько выдающимся мастером и удивительным человеком, имя которого давно стало символом мужественного служения искусству.

Евграф КОНЧИН

21.04.99

Андропов Николай